

5.5.4. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ / INTERNATIONAL RELATIONS

Серия «Политология. Религиоведение»

2022. Т. 42. С. 61–69

Онлайн-доступ к журналу:

<http://izvestiapolit.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 323.21 + 327.88

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.61>

После А. аз-Завахири: изменится ли «кибердоктрина» «Аль-Каиды»?!

Л. В. Цуканов*

*Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург,
Российская Федерация*

Аннотация. Исследуется «кибердоктрина» террористической организации «Аль-Каида»^{2*}, определявшая направления действий джихадистов в цифровом пространстве в период руководства Аймана аз-Завахири (2011–2022 гг.). Анализируются основные этапы трансформации «кибердоктрины» «Аль-Каиды»* – с момента ее формулирования (2012 г.) до ликвидации А. аз-Завахири (2022 г.), выявляются ее наиболее устойчивые элементы. Делается вывод, что «кибердоктрина» А. аз-Завахири, несмотря на декларируемый идеологами «Аль-Каиды»* «наступательный» характер, в большей степени сосредоточена на вербовочно-пропагандистском аспекте деятельности в цифровом пространстве, в то время как другим направлениям работы уделено меньшее внимание – в первую очередь в силу нехватки квалифицированных кадров. Также подчеркивается, что со смертью «эмира» началась переоценка стратегии «Аль-Каиды»*, ввиду чего новое наполнение «кибердоктрины» группировки во многом будет зависеть от личной позиции ее нового лидера и, как следствие, может варьироваться от незначительной трансформации до полного пересмотра. Предлагается несколько сценариев дальнейшего развития ситуации, наиболее вероятным из которых является сохранение идеологических основ «кибердоктрины» и прежнего упора на пропагандистскую работу.

Ключевые слова: кибербезопасность, международный терроризм, «Аль-Каида»*, ИГИЛ*, Айман аз-Завахири.

Для цитирования: Цуканов Л. В. После А. аз-Завахири: изменится ли «кибердоктрина» «Аль-Каиды»? // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т. 42. С. 61–69. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.61>

¹ Террористическая организация, запрещена в России.

² Здесь и далее звездочкой отмечены террористические организации, запрещенные в Российской Федерации.

After A. Al-Zawahiri's: Will Al-Qaeda's* "Cyberdoctrine" Be Changed?

L. V. Tsukanov

Ural Federal University named after B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of the phenomenon of Al-Qaeda's* "Cyberdoctrine", which was formulated by Ayman al-Zawahiri, the second leader of the group, and regulated the activities of jihadists in the digital space in the period from 2011 to 2022. It should be emphasized that this topic has not yet received wide coverage in specialized literature, although it is relevant against the backdrop of the radicals' desire to strengthen their positions in cyberspace. The chronological framework of the study covers the period from 2012 (formulation of the "Cyberdoctrine") to 2022 (liquidation of A. al-Zawahiri). Within the specified period, the author analyzes the key stages in the transformation of the "Cyberdoctrine", identifying its characteristic features. The author comes to the conclusion that A. al-Zawahiri's "Cyberdoctrine" is based on propaganda and recruitment instruments in the digital space, while other aspects of activity are given less attention, including due to the lack of professional hackers in the ranks of jihadists. The author also draws attention to the fact that the death of A. al-Zawahiri entails a reassessment of the strategy of Al-Qaeda*. The content of the new "Cyberdoctrine" will depend, first of all, on the personal views of the new head of the group, which is why it can be seriously rethought. Several scenarios are proposed for the further development of the situation, the most likely of which is the preservation of the ideological foundations of the "Cyberdoctrine" and, as a result, the former emphasis on propaganda work.

Keywords: cybersecurity, international terrorism, Al-Qaeda*, ISIS*, Ayman al-Zawahiri.

For citation: Tsukanov L.V. After A. al-Zawahiri's: Will Al-Qaeda's "Cyberdoctrine" Be Changed? . *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2022, vol. 42, pp. 61-69. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.61> (in Russian)

Введение

Одной из актуальных угроз глобальной архитектуре безопасности остается международный терроризм. Однако по мере цифровизации мира наряду с его традиционными формами распространение получает и кибертерроризм. Радикальные исламистские организации рассматривают цифровое пространство как перспективное поле деятельности, позволяющее существенно расширить географию присутствия, что, в свою очередь, ведет к выработке террористами собственных стратегий киберборьбы, являющейся частью более широкого понятия «киберджихад»³ [14]. Учитывая, что Российская Федерация вовлечена в противодействие исламистской угрозе (включая ее цифровую составляющую), тема представляет интерес и с академической, и с практической точек зрения. Дополнительное внимание к теме привлекла и ликвидация Аймаана аз-Завахири⁴ (лидера «Аль-Каиды»*) в августе 2022 г., поскольку с его смертью начался комплексный пересмотр стратегии действий группировки.

---

³ «Киберджихад», или «цифровой джихад», – противозаконные атаки или угрозы атак на компьютеры, сети и хранимую в них информацию для устрашения или принуждения правительства или граждан к какому-либо действию в политических или общественных целях. См.: [14].

⁴ Несмотря на то что США по-прежнему не предоставили исчерпывающих доказательств ликвидации А. аз-Завахири, в рамках данной статьи предлагается считать факт гибели лидера «Аль-Каиды»* достоверным.

Следует отметить, что рассматриваемая проблематика представлена в современном научном поле внушительным количеством исследований и характеризуется высокой степенью дискуссионности ввиду разнообразия методологических подходов. Вместе с тем российские и зарубежные эксперты сходятся во мнении, что кибертерроризм перешел в группу первоочередных угроз и требует комплексного осмысления. Как правило, на передний план выдвигаются вопросы, связанные с обзором усилий радикалов в области развития собственного киберпотенциала [5; 13; 15], разработкой механизмов комплексного противодействия подобного рода угрозам на глобальном и региональном уровнях [1–3], а также оценкой влияния цифрового фактора на развитие систем безопасности в целом [4; 8; 10]. С другой стороны, несмотря на достаточно обширную научную базу, большинство работ посвящено допандемийному периоду деятельности глобального исламистского подполья, в то время как специфические черты трансформации стратегий джихадистов после 2019 г. практически не освещены. Данная работа позволяет в определенной степени устранить указанный пробел.

Источниковой основой исследования стали отчеты международных организаций, ведущих экспертных центров, специализирующихся на вопросах кибербезопасности; материалы информационно-новостных ресурсов. Важно указать, что стратегия поведения «Аль-Каиды»* в киберпространстве не подкреплялась какими-либо документами⁵, поэтому применительно к предмету исследования понятия «кибердоктрина» и «цифровая доктрина» заключены в кавычки.

В ходе исследования были применены такие методы, как системный анализ, ивент-анализ, моделирование и прогнозирование.

«Кибердоктрина» аз-Завахири: этапы трансформации

Айман аз-Завахири возглавил «Аль-Каиду»* в мае 2011 г., через несколько суток после ликвидации ее основателя (Усамы бен Ладена), и в целом сохранил прежний вектор развития группировки. Однако некоторые направления ее деятельности были переосмыслены – например, политика в отношении киберпространства. А. аз-Завахири разделял взгляды предшественника на формат ведения цифровой борьбы, продолжая позиционировать интернет-пространство в качестве «поля битвы за умы мусульман» и поддерживая наращивание пропагандистской составляющей работы в Сети⁶. В то же время новый лидер «Аль-Каиды»* считал другие направления цифровой деятельности недостаточно развитыми и даже дискредитирующими. На этом фоне были подвергнуты критике (а в дальнейшем практически сведены на нет) некоторые традиционные для джихадистов способы обогащения – в первую очередь фишинговые атаки и спам-рассылки (так называемый E-Jihad), которые, по мнению А. аз-Завахири, наносили группировке серьезный имиджевый урон

⁵ Формулирование «кибердоктрины» было произведено в формате послания к сторонникам в июне 2012 г., а в дальнейшем растиражировано в пропагандистских материалах медиакрыла «Ас-Сахаб».

⁶ Online Jihadist Propaganda – 2021 in review // Europol. 24.05.2022. URL: <https://www.europol.europa.eu/publications-events/publications/online-jihadist-propaganda-2021-in-review/> (дата обращения: 10.10.2022).

[12]. Результатом первичных преобразований стало формулирование в 2012 г. «кибердоктрины» группировки, в которой впервые с момента ее создания были официально обозначены приоритетные направления деятельности в цифровом мире (пропагандистская и вербовочная деятельность, проведение «акций устрашения» и пр.), а также определено место «Аль-Каиды»* в новой digital-реальности. Среди прочего предполагалось, что радикалы сделают акцент и на «ударные» акции и постепенно выведут интенсивность своих кибератак на уровень 2006–2008 гг.

Однако углубившийся вследствие гибели У. бен Ладена идейный раскол внутри «Аль-Каиды»* и последовавшее за ним обособление части джихадистских ячеек в конкурирующую структуру (ИГИЛ*) в 2013 г. привели к частичному пересмотру принятой ранее «кибердоктрины»: внимание было уделено дополнительному идеологическому обоснованию курса на укрепление связей джихадистов с хакерскими движениями (в том числе немусульманскими), а также работе по формированию «противовеса» созданным в структуре ИГИЛ* цифровым квазиинститутам [5, р. 227, 230–231]. В частности, в рамках обозначенного курса в январе 2015 г. был учрежден «цифровой батальон “Аль-Каиды”»* – объединение радикальных хакеров, провозгласивших своей целью «ведение джихада в цифровом пространстве»⁷. Параллельно с этим на ключевых медиаресурсах группировки появились «воззвания», в которых А. аз-Завахири называл киберкоманду «главной силой в борьбе с внешними и внутренними врагами» [12], подчеркивая значимость ее деятельности для террористов. Дополнительным направлением деятельности в этот период стало формирование собственных цифровых подразделений в составе филиалов «Аль-Каиды»* в других регионах, что, по замыслу А. аз-Завахири, должно было расширить наступательные возможности джихадистов и укрепить авторитет группировки в целом.

На практике эффективность «цифрового батальона “Аль-Каиды”»* и «региональных» киберкоманд оказалась ниже ожидаемой. Согласно отчетам правоохранительных органов ряда западных стран, более 90 % хакерских атак радикалов в 2015–2017 гг.⁸ окончились провалом, что было обусловлено низким уровнем подготовки нападавших и отсутствием у них необходимых инструментов обхода цифровой защиты [11]. Другой проблемой для джихадистов стала невозможность обеспечить эффективное взаимодействие разных филиалов группировки в киберпространстве, что впоследствии вылилось в ряд конфликтов между «центром» и «региональными» ячейками⁹. Как итог «цифровые подразделения» были довольно быстро выведены из публичного пространства, а основной акцент в деятельности «Аль-Каиды»* на цифровом треке вновь сместился в плоскость пропагандистской и вербовочной работы.

⁷ Cyber-Terrorism Activities Report N 16 // International Institute for Counter-Terrorism. 20.03.2016. URL: <https://www.ict.org.il/UserFiles/ICT-Cyber-Review-16.pdf> (дата обращения: 07.10.2022).

⁸ Timeline of Cyber Incidents Involving Financial Institutions // Carnegie Endowment for International Peace. 10.07.2021. URL: <https://carnegieendowment.org/specialprojects/protectingfinancialstability/timeline> (дата обращения: 12.10.2022).

⁹ Cyber-Terrorism Activities Report N 16 // International Institute for Counter-Terrorism. 20.03.2016. URL: <https://www.ict.org.il/UserFiles/ICT-Cyber-Review-16.pdf> (дата обращения: 07.10.2022).

С началом пандемии COVID-19 деятельность «Аль-Каиды»* в Сети получила дополнительный импульс к развитию. Помимо актуализации ряда ключевых для группировки идеологических конструктов¹⁰, радикалы сделали ставку на постепенное увеличение числа собственных внеплатформенных веб-сайтов и мобильных приложений, управляемых членами группировки или сочувствующими им лицами [9]. В частности, в этот период был запущен специализированный портал Sadaislam, а также создано информационно-развлекательное приложение для смартфонов Thabat, что позволило существенно увеличить охваты пропагандистских материалов [Там же]. Вместе с тем наступательная составляющая деятельности радикалов постепенно была сведена в формат атак лояльных хакеров-одиночек (Lone Wolves) – это объяснялось как неблагоприятной эпидемиологической обстановкой в мире, так и меньшей заметностью одиночных исполнителей для правоохранительных органов и специальных служб – и вплоть до настоящего момента практически не координировалась со стороны «Аль-Каиды»*, что позволяет говорить об отсутствии у джихадистов достаточного ресурса для наступления в цифровом пространстве.

Уничтожение аз-Завахири и будущее «кибердоктрины»

Ликвидация аз-Завахири в августе 2022 г. привела к тому, что в деятельности группировки образовался «переходный период», а все крупные операции (включая акции в киберпространстве) были временно остановлены – до момента избрания нового лидера. Согласно отчету группы экспертов Международного центра по борьбе с терроризмом, Совет шуры¹¹ «Аль-Каиды»* предварительно назвал несколько кандидатур на пост руководителя. Это Саиф аль-Адель, доверенное лицо У. бен Ладена и один из наиболее авторитетных функционеров «Аль-Каиды»*, и Абд аль-Рахман аль-Магриби, зять А. аз-Завахири, ранее курировавший работу медиакрыла «Ас-Сахаб». Также на высокий пост претендуют представители ключевых региональных филиалов группировки – лидер «Аш-Шабаб»* Ахмед Дирие и глава «Аль-Каиды» в странах исламского Магриба* Йезид Мебарек [6].

Указанные претенденты являются представителями разных ветвей управления группировки и, как следствие, по-разному оценивают текущий вектор развития группировки, включая модель цифрового поведения. Так, представители «военной» и «медиа» ветвей организации (интересы которых представляют С. аль-Адель и А. аль-Магриби соответственно) в целом выступают за сохранение сформированных ранее основ стратегии поведения в киберпространстве, в то время как кандидаты от региональных отделений,

---

¹⁰ Концепция «Великого исламского халифата», лежащая в основе «исторической миссии» «Аль-Каиды»*, была частично экстраполирована на цифровое пространство. В частности, представители группировки заявили о намерении принять роль «защитников мусульман» в цифровом пространстве и бороться с «тлетворной пропагандой крестоносцев». См., напр.: Online Jihadist Propaganda – 2021 in review // Europol. 24.05.2022. URL: <https://www.europol.europa.eu/publications-events/publications/online-jihadist-propaganda-2021-in-review> (дата обращения: 10.10.2022).

¹¹ Управляющий совет группировки из числа наиболее авторитетных джихадистов, наделенных полномочиями принимать решения стратегического характера.

напротив, лоббируют идею трансформации всех аспектов цифровой борьбы – вплоть до калькирования стратегии ИГИЛ* периода правления А. аль-Багдади и переноса акцентов на региональные киберкоманды [Там же].

Отсутствие единства взглядов, демонстрируемое ключевыми кандидатами на пост «эмира», свидетельствует об отсутствии у джихадистов устойчивой «модели преемственности». Эксперты подчеркивают, что, в отличие от ИГИЛ*, где новый «халиф» определялся в соответствии с завещанием предшественника, «Аль-Каида»* по-прежнему принимает подобные решения в формате ad-hoc – во избежание превентивной точечной ликвидации наиболее вероятных преемников [7]. В этой связи будущее «кибердоктрины» «Аль-Каиды»*, как и других составляющих деятельности группировки, на данном этапе полностью зависит от личных взглядов нового «эмира».

Заключение

За более чем 10 лет руководства А. аз-Завахири «Аль-Каидой»* основной его «кибердоктрины», несмотря на несколько попыток трансформации, оставалась агитационно-вербовочная работа, в то время как «ударно-наступательный» аспект деятельности практически не развивался и имел реактивный характер – в первую очередь ввиду отсутствия достаточного деструктивного киберпотенциала, а также отсутствия достаточной координации между «основными» и «региональными» киберкомандами. Вместе с тем подобная расстановка акцентов позволяла не только создавать видимость глубокой вовлеченности в цифровые процессы, но и не вступать в серьезную конфронтацию с частью международного хакерского сообщества, отвергающей радикальные идеи.

В то же время ликвидация лидера «Аль-Каиды»* и перспектива избрания нового «эмира» ставят под вопрос целесообразность следования текущим установкам, что, в свою очередь, может привести к пересмотру стратегии поведения радикалов в киберпространстве. И в данном случае вектор трансформации будет во многом зависеть от личностного фактора.

Исходя из изложенного выше, можно предложить несколько вариантов дальнейшего развития ситуации. Так, согласно первому сценарию, новое руководство «Аль-Каиды»* серьезно пересмотрит стратегию поведения в киберпространстве, сделав акцент на «ударные» технологии, что потребует изменения доктринальных основ деятельности. Впрочем, трансформация в этом случае будет носить постепенный характер, поскольку джихадистам потребуется провести серьезную подготовительную работу (прежде всего восстановить ранее утраченные связи с лояльными хакерскими командами, а также подготовить идеологическое обоснование изменений), ввиду чего вероятность реализации подобного сценария – *средняя*.

Противоположный сценарий предполагает, что джихадисты практически полностью откажутся от продолжения борьбы в киберпространстве, сместив фокус на активизацию традиционных форм террора в регионах присутствия (в то время как акции «цифрового джихада» будут иметь единичный характер). Основанием для подобных суждений можно считать относительно сильные «предвыборные» позиции представителей «филиалов» «Аль-Каиды»*.

Тем не менее даже в случае их победы полноценный отказ от цифровых инструментов (в первую очередь пропагандистских) маловероятен, поскольку поставит под сомнение постулаты не только А. аз-Завахири, но и У. бен Ладена, а также многократно сузит пространство возможностей группировки. Это чревато новым расколом среди джихадистов – более глубоким, чем в начале 2010-х гг. Аналогичным образом будет воспринята и попытка адаптировать цифровой опыт ключевого конкурента (ИГИЛ*) под нужды группировки, по этой причине вероятность реализации сценария – *низкая*.

Также не следует исключать, что группе джихадистов во главе с А. аль-Магриби, разделяющих взгляды аз-Завахири на политику в отношении киберпространства, удастся сохранить текущее влияние, что обеспечит плавный трансфер власти внутри группировки. В этом случае существовавшая ранее «кибердоктрина» не претерпит значительных изменений, будут трансформированы лишь отдельные ее аспекты (например, касающиеся формата взаимодействия с хакерскими командами), что позволит избежать дальнейшего распада цифровых систем группировки. Этот вариант на данный момент является *наиболее вероятным*.

Так или иначе, все сценарии имеют точку пересечения: вне зависимости от исхода до конца «переходного» периода (т. е. в ближайшие несколько месяцев) радикалы не будут предпринимать активных наступательных действий в цифровом пространстве, сосредоточившись на решении внутренних проблем. В противном случае возрастает риск разбалансировки киберструктур группировки.

Подобное положение дел, разумеется, не исключает возможности проведения лояльными «Аль-Каиде»* хакерами-одиночками собственных киберакций (например, взломов «бегущей строки» новостных каналов), однако они, с высокой долей вероятности, получают слабое освещение на пропагандистских ресурсах радикалов – в первую очередь ввиду непредсказуемости позиции потенциального «эмира».

Список литературы

1. *Антонян Е. А.* Вопросы применения новых технологий в противодействии кибертерроризму // Мониторинг правоприменения. 2020. № 1. С. 51–55.
2. *Базаркина Д. Ю.* Зачем Европе Европол? // Современная Европа. 2012. № 3. С. 29–38.
3. *Бартенев В. И.* Секьюритизация сферы содействия международному развитию: анализ политического дискурса // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2011. № 3. С. 37–50.
4. *Валиахметова Г. Н., Каишаф К. Ш.* Радикально-экстремистская угроза в цифровом измерении: в поисках путей противодействия // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2019. № 4. С. 84–99.
5. *Ejazi F.* Performance of Virtual Terrorism in Cyber Space // Media and Terrorism in the 21st Century. IGI Global, 2022. P. 224–236.
6. *Harmouch S.* The question of succession in Al-Qaeda // War on the rocks. 2022. Sept. 29. URL: <https://warontherocks.com/2022/09/the-question-of-succession-in-al-qaeda/> (date of access: 10.10.2022).
7. *Ingram H., Whiteside C.* Generation killed: the challenges of routinizing global Jihad // War on the rocks. 2022. Aug. 18. URL: <https://warontherocks.com/2022/08/generation-killed-the-challenges-of-routinizing-global-jihad/> (date of access: 10.10.2022).

8. Mapping global cyberterror networks: an empirical study of al-Qaeda and ISIS cyberterrorism events / C. S. Lee [et al.] // *Journal of Contemporary Criminal Justice*. 2021. Vol. 37, N 3. P. 333–355.
9. *Lyammouri R., Nsabia H.* The Digital Transformations of Al-Qaeda and Islamic State in the Battle Against Online Propaganda // *Global network on Extremism and Technology*. 2022. May 19. URL: <https://gnet-research.org/2021/05/19/the-digital-transformations-of-al-qaeda-and-islamic-state-in-the-battle-against-online-propaganda/> (date of access: 10.10.2022).
10. Cyber terrorism and public support for retaliation—a multi-country survey experiment // R. Shandler [et al.] // *British Journal of Political Science*. 2022. N 2. P. 850–868.
11. *Soesanto S.* Cyber Terrorism. Why it exists, why it doesn't, and why it will // *Real Instituto Elcano*. 2020. Apr. 17. URL: <https://www.realinstitutoelcano.org/en/analyses/cyber-terrorism-why-it-exists-why-it-doesnt-and-why-it-will/> (date of access: 05.10.2022).
12. *Teasuro L.* The Role Al Qaeda Plays in Cyberterrorism // *Small Wars Journal*. 2018. Dec. 8. URL: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/role-al-qaeda-plays-cyberterrorism> (date of access: 08.10.2022).
13. *Treiblmajer A. et al.* The New Wars: Terrorism and “Asymmetric” Warfare // *Vojenské rozhledy*. 2021. Vol. 30, N 4. P. 93–108.
14. *Weimann G.* Lone Wolves in Cyberspace // *Journal of Terrorism Research*. 2012. Sept. 22. URL: <https://cvir.st-andrews.ac.uk/articles/10.15664/jtr.405/> (date of access: 16.10.2022).
15. *Williams M.* Combating Cyber-Jihad // *RUSI*. 2006. Sept. 20. URL: <https://rusi.org/publication/combating-cyber-jihad> (date of access: 10.10.2022).

References

1. Antonjan E.A. Voprosy primeneniya novyh tehnologij v protivodejstvii kiberterrorizmu [Issues of application of new technologies in countering cyberterrorism]. *Law enforcement monitoring*, 2020, no. 1, pp. 51-55. (in Russian)
2. Bazarkina D.Ju. Zachem Evrope Evropol? [Why does Europe need Europol?]. *Modern Europe*, 2012, no. 3, pp. 29-38. (in Russian)
3. Bartenev V.I. Sek'juritizacija sfery sodejstvija mezhdunarodnomu razvitiyu: analiz politicheskogo diskursa [Securitization of the sphere of international development assistance: analysis of political discourse]. *Bulletin of international organizations: education, science, new economy*, 2011, no. 3, pp. 37-50. (in Russian)
4. Valiahmetova G.N., Kashaf K.Sh. Radikalno-jekstremistskaja ugroza v cifrovom izmerenii: v poiskah putej protivodejstvija [Radical extremist threat in the digital dimension: in search of ways to counter]. *Vestnik MSLU. Social Sciences*, 2019, no. 4, pp. 84-99. (in Russian)
5. Ejazi F. Performance of Virtual Terrorism in Cyber Space. *Media and Terrorism in the 21st Century. IGI Global*, 2022, pp. 224-236.
6. Harmouch S. The question of succession in Al-Qaeda. Available at: <https://warontherocks.com/2022/09/the-question-of-succession-in-al-qaeda/> (date of access: 10.10.2022).
7. Ingram H., Whiteside C. Generation killed: the challenges of routinizing global Jihad. Available at: <https://warontherocks.com/2022/08/generation-killed-the-challenges-of-routinizing-global-jihad/> (date of access: 10.10.2022).
8. Lee C.S. et al. Mapping global cyberterror networks: an empirical study of al-Qaeda and ISIS cyberterrorism events. *Journal of Contemporary Criminal Justice*, 2021, vol. 37, no. 3, pp. 333-355.
9. *Lyammouri R., Nsabia H.* The Digital Transformations of Al-Qaeda and Islamic State in the Battle Against Online Propaganda. Available at: <https://gnet-research.org/2021/05/19/the-digital-transformations-of-al-qaeda-and-islamic-state-in-the-battle-against-online-propaganda/> (date of access: 10.10.2022).
10. Shandler R. et al. Cyber terrorism and public support for retaliation—a multi-country survey experiment. *British Journal of Political Science*, 2022, no. 2, pp. 850-868.
11. Soesanto S. Cyber Terrorism. Why it exists, why it doesn't, and why it will. Available at: <https://www.realinstitutoelcano.org/en/analyses/cyber-terrorism-why-it-exists-why-it-doesnt-and-why-it-will/> (date of access: 05.10.2022).
12. *Teasuro L.* The Role Al Qaeda Plays in Cyberterrorism. Available at: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/role-al-qaeda-plays-cyberterrorism> (date of access: 08.10.2022).

13. Treiblmaier A. et al. The New Wars: Terrorism and “Asymmetric” Warfare. *Vojenské rozhledy*, 2021, vol. 30, no. 4, pp. 93-108.

14. Weimann G. Lone Wolves in Cyberspace. Available at: <https://cvir.standrews.ac.uk/articles/10.15664/jtr.405/> (date of access: 16.10.2022).

15. Williams M. Combating Cyber-Jihad. Available at: <https://rusi.org/publication/combating-cyber-jihad> (date of access: 10.10.2022).

Сведения об авторе

Цуканов Леонид Вячеславович
аспирант, кафедра востоковедения,
департамент (факультет)
международных отношений
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
Российская Федерация, 620050,
г. Екатеринбург, ул. Мира, 19
e-mail: leon.tsukanov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6882-9841

Information about the author

Tsukanov Leonid Vyacheslavovich
Postgraduate, Department of Oriental Studies,
Department (Faculty) of International
Relations
Ural Federal University named after the First
President of Russia B. N. Yeltsin
19, Mir st., Yekaterinburg, 620050,
Russian Federation
e-mail: leon.tsukanov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6882-9841